

КРУТЕЦКИЙ Владимир Юрьевич

Максим Грек и русская культура последней четверти XVI века.

Специальность 07.00.02 – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ярославль 2006

Работа выполнена в Центре истории религии и Церкви
Института российской истории РАН

Научный руководитель – доктор исторических наук,
Синицына Нина Васильевна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
Чекалова Александра Алексеевна

кандидат исторических наук
Мельник Андрей Гаврилович

Ведущая организация – Российский государственный гуманитарный университет

Защита состоится « » декабря 2006 года в
15.00 часов на заседании диссертационного совета К 212.307.08 при
Ярославском государственном педагогическом университете
им. К.Д.Ушинского по адресу: 150000, Ярославль, Которосльская
Набережная, 46-в, ауд. 315

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ярославского государственного
педагогического университета им. К.Д.Ушинского

Автореферат разослан « » ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ермаков А.М.

Общая характеристика работы

Важной частью культурного процесса в России последней четверти XVI в. являлось освоение богатейшего литературного наследия, оставленного Максимом Греком, творчество которого в России относится к 1518 - 1555/56 гг. Интерес к судьбе и творчеству писателя, заметно усилившийся в это время, проявился в различных формах: создаются биографические сочинения, переписываются и изучаются материалы его судного дела. Главным свидетельством внимания к творческому наследию писателя стало оживление рукописной традиции его сочинений. В последние десятилетия XVI в. создается целый ряд новых собраний сочинений Максима Грека, каждое из которых включает значительное количество текстов, в том числе и неизвестных ранее читателям. Составленные на основе прижизненных систематизированных собраний, созданных и правленных самим автором, собрания конца XVI в. стали своеобразным ответом на вопросы, актуальные для того этапа в развитии русской культуры. Из всей совокупности написанного писателем редакторы – составители этих собраний выбирали конкретные сочинения и располагали их в определенной последовательности в соответствии с собственным замыслом и исходя из запросов среды. Созданные таким образом собрания являются ценным историко-культурным памятником, изучение которого дает уникальную возможность не только познакомиться с тем, что писал Максим Грек, но и узнать, как и что читали из написанного им в конце XVI в., какие именно его идеи оказывались созвучными читателям этого поколения.

Собрания сочинений Максима Грека последней четверти XVI в. изучены относительно слабо. Их состав, происхождение, взаимоотношения, генеалогия рукописных сборников внутри собраний нуждаются в исследовании, что делает необходимым решение в настоящей работе и вопросов источниковедческого характера.

При всей важности изучения собраний сочинений писателя исследование, посвященное проблеме освоения и усвоения его наследия, не может ограничиться решением только этой задачи. Влияние Максима Грека на русскую культуру распространялось по разным направлениям. Ему приходилось обучать греческому языку и делу «книжной sprawy» своих сотрудников, непосредственно передавать опыт ученикам в процессе переводческой работы. Эта деятельность имела важное культурно-просветительное значение. Взгляды писателя усваивались его учениками. В их числе был, например, Нил Курлятев, выступавший в защиту трудов Максима Грека в предисловии к Псалтыри 1552 г. и способствовавший распространению его взглядов. Глубокие последствия могло иметь даже кратковременное общение с афонским старцем, о чем свидетельствует переводческая деятельность А.М.Курбского, вдохновленная, по его собственному признанию, беседой с Максимом Греком, состоявшейся в Троице-Сергиевом монастыре. Очевидно, что учет и анализ тех свидетельств влияния творчества Максима Грека на русскую культуру конца XVI в., которые не могли быть зафиксированы в собраниях его сочинений, составляет важную задачу настоящего исследования.

Актуальность темы диссертации. Изучение судьбы рукописного наследия Максима Грека и его роли в идейной борьбе последующего времени относится к числу важнейших задач, стоящих перед современным исследователем творчества Максима Грека. Особым интересом к сочинениям и биографии Максима Грека отмечена последняя четверть XVI в., знаменующая важный этап освоения его литературного наследия. Задача исследования этого этапа имеет особую актуальность ввиду сравнительно слабой изученности данного периода истории отечественной культуры, а также его своеобразия как кануна перехода от средневековой культуры к культуре Нового времени.

Главным препятствием, до сих пор не позволяющим оценить значение творчества Максима Грека во всей полноте, является отсутствие текстологического исследования его рукописного наследия, неизученность истории текста отдельных произведений, без чего невозможно современное издание его сочинений. Диссертация в значительной степени посвящена восполнению этого пробела. На основе выполненного исследования произведение первого периода творчества писателя (1518-1525 гг.), а именно: Первого послания Максима Грека Ф.И.Карпову против астрологии, подготовлено к печати и включено в 1-й том нового издания сочинений Максима Грека, находящегося в издательстве.

Степень научной разработанности проблемы; историография. Постановка проблемы освоения творческого наследия Максима Грека русской культурой последней четверти XVI в.

оказалась возможной только в 70-е гг. XX в., когда были собраны и систематизированы обширные данные о рукописной традиции сочинений писателя XVI-XVIII в. Начальный этап этой работы отразился в ряде трудов о Максиме Греке, появившихся до середины XIX в. (Сильвестра Медведева¹, митрополита Евгения (Болховитинова)², Г.Терещенко³, митрополита Филарета (Гумилевского)⁴ и содержащих сведения о составе ряда рукописных сборников с сочинениями писателя, и публикацию некоторых его сочинений.

В 1859 - 62 гг. в Казанской духовной академии было издано первое и до сих пор единственное собрание сочинений Максима Грека⁵, в которое, однако, были включены далеко не все его сочинения и не были учтены очень многие, в том числе прижизненные, рукописные сборники его сочинений.

Заслуга выявления всего комплекса рукописных материалов, связанных с деятельностью писателя, принадлежит ученым – археографам второй половины XIX в., составившим описания рукописей различных книжных собраний России: Московской синодальной библиотеки, императорской Публичной библиотеки, Румянцевского музея, библиотек Московской и Казанской духовных академий, рукописного отделения Академии наук, библиотек Общества истории и древностей российских и Общества любителей древней письменности, ряда монастырских и провинциальных библиотек, а также частных книжных коллекций - Ф.А.Толстого, И.Н.Царского, В.М.Ундольского, А.И.Хлудова, А.С.Уварова, П.И.Щукина, А.А.Титова.

Работа по разысканию, описанию, введению в научный оборот рукописей включающих сочинения, переводы Максима Грека, сказания и известия о нем⁶. была завершена С.А.Белокуровым, составившим почти исчерпывающий перечень таких рукописей.

Дальнейшее изучение рукописной традиции сочинений писателя развивалось по нескольким направлениям: введение в научный оборот новых, не известных ранее рукописей; исследование происхождения отдельных, преимущественно ранних, рукописей; издание текстов.

Ряд наблюдений относительно ранних сборников сочинений Максима Грека (о наличии в них автографов писателя, создании собрания собственных сочинений в 47 глав) и биографических сочинениях конца XVI в. о Максиме Греке оставил Е.Е.Голубинский⁷.

Наиболее значительным из дореволюционных исследований о Максиме Греке стала книга В.С.Иконникова⁸. Она содержит обширные сведения библиографического характера (перечень описаний рукописных собраний и публикаций, содержащих сведения о творениях Максима Грека), наблюдения об отношении к сочинениям писателя в XVI - XVII вв. и о распространенности этих сочинений.

В отечественной историографии первых советских десятилетий работы, посвященные судьбе рукописного наследия Максима Грека, отсутствуют. Наибольший интерес из исследований этого периода представляют работы В.Ф.Ржиги⁹, опубликовавшего несколько не издававшихся ранее сочинений писателя. Издания были осуществлены по ранним, авторитетным спискам. В.Ф.Ржига предложил убедительные датировки ряда сочинений Максима Грека и указал тексты, нуждающиеся в издании.

Заметный вклад в изучение рукописного наследия писателя внес католический исследователь И.Денисов¹⁰. Ряд работ И.Денисова посвящен биографическим произведениям, включавшимся с

¹ См.: Ундольский В. Сильвестр Медведев, отец славяно – русской библиографии// ЧОИДР. М., 1846. Кн. 3. С. III - XXVIII, 1 - 90.

² Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко - российской церкви. т. II. Изд. 2. Спб., 1827. С. 26 - 41.

³ [Терещенко Г.] О трудах Максима Грека // ЖМНП. СПб., 1834. Ч. III. № 8. С. 243 - 278.

⁴ Филарет (Гумилевский). Максим Грек // Москвитянин. 1842. Ч. VI. № 11. С. 59 - 96.

⁵ Первоначально Казанская духовная академия издала сочинения Максима Грека в приложении к своему журналу “Православный собеседник”, затем - отдельным изданием в 3 - х частях под заглавием “Сочинения преподобного Максима Грека “ (Ч. I – III). Казань, 1859 - 1862. В 1895 и 1897 гг. было выпущено 2-е издание первой и третьей частей. В 1910 - 1911 гг. сочинения Максима Грека были изданы в русском переводе в Троице - Сергиевой лавре и переизданы в 1996 г.

⁶ Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898.

⁷ Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1997. Т. 2: Первая половина тома.

⁸ Иконников В.С. Максим Грек и его время. Киев, 1915.

⁹ Ржига В.Ф. 1) Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист.// ТОДРЛ. Л., 1934. Т.1. С. 5-120; 2) Неизданные сочинения Максима Грека.// Byzantinoslavica. Praha, 1935-1936. Т. VI. PP. 85-108.

¹⁰ Denissoff E. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution a l'histoire de la pensee religieuse et philologique de Michel Trivolis. Paris - Louvain, 1943.

конца XVI в. сборники сочинений Максима Грека¹¹. Исследователь атрибутировал их А.М.Курбскому и митрополиту Исаяе Копинскому.

В рецензии на книгу И.Денисова «Максим Грек и Запад» А.И.Клибанов впервые опубликовал несколько переводов Максима Грека из Лексикона «Суда», а также перевод на русский язык шести обнаруженных и изданных И.Денисовым писем Михаила Триволиса (светское имя Максима Грека), относящихся к итальянскому периоду его жизни¹². В 1996 г. эти письма были переизданы. Вместе с ними А.И.Клибанов опубликован и афонские тексты, изданные И.Денисовым, но отсутствовавшие до этого в русском переводе: четыре эпитафии, эпиграмма и Канон Иоанну Крестителю¹³. Примечательно, что оценка творчества писателя, данная в последней работе А.И.Клибанова, существенно отличается от взглядов, излагавшихся им ранее.

Важной вехой в изучении литературного наследия Максима Грека, явилась книга А.И.Иванова¹⁴, представляющая собой полный библиографический обзор сочинений Максима Грека. В книге указано 365 сочинений писателя (из них к моменту выхода книги было опубликовано 201), разделенных составителем обзора на 8 тематических групп. К каждому сочинению прилагается аннотация содержания, указаны основания атрибуции Максиму Греку, в некоторых случаях - датировка. Каждое из сочинений снабжено ссылкой на рукописи, содержащие его текст, и издания. Несмотря на ряд неточностей¹⁵, исследователи пользуются им до сих пор.

Особое место в изучении творчества и судьбы рукописного наследия Максима Грека принадлежит работам Н.В.Синицыной. В 60- 70-е годы Н.В.Синицыной и Б.Л.Фонкичем проводятся исследования, в результате которых становится возможной надежная атрибуция автографов Максима Грека. Б.Л.Фонкич исследовал греческие и русские автографы Максима Грека в греческой Псалтыри 1540 г., а также доказал, что его автографом является греческий Апостол из библиотеки протопопа Благовещенского собора Сильвестра¹⁶. В результате кодикологического изучения прижизненных сборников сочинений Максима Грека в четырех из них Н.В.Синицыной удалось обнаружить автографы писателя¹⁷. Этим было доказано участие Максима Грека в составлении собраний своих сочинений и создана предпосылка источниковедческого исследования всего корпуса сочинений в его эволюции, всей его рукописной традиции.

Н.В.Синицыной было изучено и классифицировано более 100 сборников, целиком состоящих из сочинений писателя¹⁸. Классификация сборников, проведенная по составу (количество и порядок расположения текстов) и текстологическим признакам, позволила разделить их на несколько типов. Совокупность сборников одного типа была определена Н.В.Синицыной как собрание. В XVI-XVIII вв. было составлено несколько собраний сочинений Максима Грека, отразивших ряд последовательных этапов освоения его литературного наследия.

К прижизненному этапу относятся три собрания, два из которых (Иоасафовское и Хлудовское) были составлены самим писателем с целью доказать необоснованность обвинений, предъявленных ему на Соборах 1525 и 1531 гг.

Следующий этап относится к концу XVI в. Характеризуя его, Н.В. Синицына писала: «Интерес к Максиму Греку был вызван или, во всяком случае, активизирован тем, что в своих сочинениях он ставил вопросы, связанные с автокефалией русской церкви (о поставлении митрополитов), и тем, что в судьбе Максима Грека принимали участие вселенские патриархи - константинопольский и александрийский, и тем, что своими сочинениями он способствовал распространению в России греческой, православной ортодоксии, идей отцов церкви, что приобретало немаловажное значение в

¹¹ Denissoff E. 1) Une biographie de Maxime le Grec par Kourbski // *Orientalia christiana periodica*. Roma, 1954. Vol. XX. 1 - 2. PP. 44 - 84; 2) Une biographie de Maxime le Grec par le metropolite Isaie Kopinski// *Orientalia christiana periodica*. Roma, 1956. Vol. XXII. 1 - 2. PP. 138 - 191.

¹² Клибанов А.И. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека// *Византийский временник*. М., 1958. Т. 14. С. 148 - 174.

¹³ Клибанов А.И. *Духовная культура средневековой Руси*. М., 1996. С. 349-363.

¹⁴ Иванов А.И. *Литературное наследие Максима Грека. Характеристика. Атрибуции. Библиография*. Л., 1969.

¹⁵ Перечень неточностей и ошибок, допущенных А.И.Ивановым содержится в работе Х.Олмстеда. См.: Hugh Olmsted. A.I.Ivanov on Maksim Grek // *Problems of Attribution and Manuscript Study*. / *Kritika*. A review of current soviet books on russian history. Vol. VIII, no. 1; fall, 1971, Cambridge, Massachusetts, 1971. PP.1-27.

¹⁶ Фонкич Б.Л. 1) Новый автограф Максима Грека // *Byzantinoslavica*, 1969. №1. С.77-82; 2) Русский автограф Максима Грека // *История СССР*. М., 1971. №3. С. 153-158.

¹⁷ Синицына Н.В. Ранние рукописные сборники Максима Грека (кодикологическое исследование) // *Археографический ежегодник за 1971 г.* М., 1972. С.130-140.

¹⁸ Синицына Н.В. *Максим Грек в России*. М., 1977.

связи с учреждением московской патриархии»¹⁹. Данный этап был ознаменован созданием ряда новых собраний.

Следующий этап освоения литературно-публицистического наследия Максима Грека относится к XVII в. и связан с Троице-Сергиевым монастырем, в котором создаются новые собрания его сочинений. К более позднему времени относится появление еще нескольких собраний.

К числу важнейших направлений дальнейшего исследования Н.В.Синицына отнесла издание сочинений писателя, выполненное на уровне современной археографии, а также изучение его рукописного наследия и роли в идейной борьбе последующего времени.

Одновременно с книгой Н.В.Синицыной появилась диссертация американского исследователя Х.Олмстеда, посвященная ранней рукописной традиции собраний сочинений Максима Грека²⁰. Многие из наблюдений Х.Олмстеда базируются на изучении опубликованных описаний рукописей и в ряде случаев совпадают с выводами Н.В.Синицыной. Для избранной темы представляют интерес разделы диссертации Х.Олмстеда, посвященные собраниям сочинений писателя конца XVI в. - Бурцевскому и Никифоровскому видам Хлудовского собрания, Соловецкому и Собранию Вологодского архиепископа Ионы (Думина). Х.Олмстед указывает возможные источники названных собраний, предлагает убедительную версию происхождения и датировку Бурцевского и Никифоровского видов, рассматривает возможность влияния ряда известных книжников на развитие соловецкой традиции сочинений писателя.

Создание собрания архиепископа Ионы (Думина) является, по Х.Олмстеду, частью масштабного «проекта» по сбору сочинений и переводов писателя, осуществлявшихся в связи с визитом Константинопольского патриарха Иеремии II в 1588-89 гг. и установлением Московского патриархата²¹. В рамках данного «проекта», как полагает Х.Олмстед, осуществлялась и деятельность Исаяи Каменец-Подольского²².

Об интересе к литературному наследию и биографии писателя в конце XVI в. свидетельствует ряд исследований 50-80-х гг. О.А.Белоброва, изучавшая иконографию Максима Грека²³, обратила внимание на наличие его изображений в качестве святого, восходящих к образцам конца XVI в.²⁴ Причину «полуофициальной» реабилитации писателя она усматривает в намерении московских властей укрепить взаимоотношения с Константинопольским патриархатом. О возросшем интересе к биографии писателя свидетельствует создание в конце XVI в. Сибирского сборника - ценного источника содержащего наиболее полный текст Судного списка Соборов 1525 и 1531 гг. и ряд связанных с ним материалов, обнаруженного и изданного Н.Н.Покровским²⁵.

Влияние творчества Максима Грека на развитие русской филологии второй половины XVI в. было освещено Л.С.Ковтун, исследовавшей процесс сложения и эволюции азбуковников²⁶. Л.С.Ковтун пришла к выводу о том, что Максим Грек «может быть назван в числе главных создателей этого жанра». Большую ценность имеет исследование истории текста и публикация составленного им словаря «Толкование именам по алфавиту», включавшегося в Азбуковники и собрания сочинений писателя. На примере редакций Толкования в составе этих собраний Л.С.Ковтун охарактеризовала цели и методы работы их составителей – книжников конца XVI – начала XVII в.

С середины 70-х гг. в ряде публикации освещается история отдельных собраний сочинений Максима Грека конца XVI в. Изучая старообрядческую рукописную традицию сочинений Максима Грека, А.Т.Шашков провел кодикологическое исследование сборников и реконструировал историю Соловецкого собрания, послужившего одним из источников Поморского²⁷. Интересен опыт изучения

¹⁹ Синицына Н.В. Максим Грек в России. С.48.

²⁰ Hugh M. Olmsted. Studies of the early manuscript tradition of Maksim Greek's collected works. Cambridge, Massachusetts, 1977.

²¹ Ibid. P. 302.

²² Ibid. P. 302-303.

²³ Белоброва О.А. 1) К вопросу об иконографии Максима Грека // ТОДРЛ, М.; Л., 1958. Т.15. С. 301-309; 2) К иконографии Максима Грека // Византийский временник. М., 1973. Т. 34. С. 244-248.

²⁴ Белоброва О.А. К вопросу об иконографии Максима Грека. С. 307.

²⁵ Покровский Н.Н. 1) Сибирская находка: (Новое о Максиме Греке) // Вопросы истории. М., 1969. № 11. С. 129-138; 2) Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971.

²⁶ См.: Ковтун Л.С. 1) Лексикография в Московской Руси XVI- начала XVII в. Л., 1975; 2) Азбуковники XVI – XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989.

²⁷ Шашков А.Т. Поморский кодекс сочинений Максима Грека // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 93-123.

А.Т.Шашковым использования литературного наследия писателя в идеологической борьбе второй половины XVII – первой половины XVIII в.²⁸

Собранию архиепископа Ионы (Думина) посвящена статья Д.М.Буланина²⁹. Источником собрания, он называет выделенное им «Рогожское собрание».

В 1984 г. Д.М.Буланиным были опубликованы все выявленные к тому времени переводы и выписки Максима Грека из Лексикона «Суда»³⁰, 13 посланий (11 из них - впервые). Д.М.Буланин и А.Т.Шашков составили дополнение к описанию собраний сочинений писателя, сделанному Н.В.Синицыной³¹.

Обсуждение истории собрания архиепископа Ионы (Думина) было продолжено в работах Х.Олмстеда и Н.В.Синицыной.³²

В 1986 г. была опубликована книга А.Лангелера³³, который ввел в научный оборот рукопись Парижской Национальной библиотеки, Slave 123 (конец XVI в.). А.Лангелер отождествил данный сборник с рукописью № 243 из перечня С.А.Белокурова. Внимание исследователей привлекла проблема взаимоотношений Slave 123 и старшего списка Синодальным собранием (ГИМ, Син. 491) сочинений Максима Грека³⁴.

Из публикаций последних десятилетий для избранной темы наиболее интересна обширная статья Х. Олмстеда о генеалогии собраний сочинений Максима Грека конца XVI в.- первой половины XVII в.³⁵ Т.Я.Морозовой обнаружен сборник сочинений писателя, местонахождение которого ранее было неизвестно³⁶, отнесенный Х.Олмстедом к Бурцевскому виду,. Истории текста ряда антилатинских посланий Максима Грека и нескольких текстов из состава его прижизненных собраний посвящены статьи Л.И. Журовой³⁷.

В работах Н.В.Синицыной рассматривается важная для избранной темы проблема использования антилатинских сочинений Максима Грека в ходе богословской полемики конца XVI в.³⁸ и опубликован текст биографических сочинений о Максиме Греке, созданных в XVI – XVII вв.³⁹

²⁸ Шашков А.Т. 1) Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – начале XVIII в.: (Подделка и её разоблачение) // ТОДРЛ, Л., 1979. Т. 33. С.80-87; 2) «Обличение на Соловецкую челобитную» Юрия Крижанича и споры XVII в. вокруг наследия Максима Грека // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 59-72; 3) Сочинения Максима Грека в старообрядческой рукописной традиции и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – первой половине XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1982.

²⁹ Буланин Д.М. Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 174-180.

³⁰ См. : Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984. С.128 - 173.

³¹ Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. (Приложение. Д.М.Буланин, А.Т.Шашков. Описание собраний сочинений Максима Грека. С. 220-251).

³² Синицына Н.В. Освоение богословской системы преподобного Максима Грека в религиозном сознании и церковной жизни конца XVI- первой половины XVII века (печатные издания и рукописные собрания его сочинений) // Исторический вестник. 2001. № 4 (15). С. 130-136.

³³ Langelier Arnoldus Johannes. Maksim Grek, Byzantijn en Humanist in Rusland: Een onderzoek naar enkele van zijn bronnen en denkbeelden . Proefschrift ter verkrijging van de graad van dr. in de letteren aan de Katholieke Universiteit te Nijmegen . Amsterdam, 1986.

³⁴ См.: Буланин Д.М. Голландская диссертация о литературном наследии Максима Грека // Русская литература. Ленинград, 1987. № 1. С. 228; Olmsted H. Modeling the genealogy of Maksim Greek's collection types. The "plectogram" as visual aid in reconstruction // Medieval Russian Culture. Vol. II. California Slavic Studies XIX. University of California Press. Berkeley and Los Angeles.- California, 1994. P. 125, 128; Синицына Н.В. Освоение богословской системы преподобного Максима Грека. С. 139; Шашков А.Т. Сборники сочинений Максима Грека в составе библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря в XVI-XVIII вв. // Археология и источниковедение Сибири. Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма России. Новосибирск, 1987. С. 5-11.

³⁵ Olmsted Hugh. Modeling of Maksim Greek's Collection types. The "Plectogram" as visual aid in reconstruction // Medieval Russian Culture. Vol. II. California Slavic Studies XIX. University of California Press. Berkeley and Los Angeles . - California, 1994. P. 107 - 133.

³⁶ Морозова Т.Я. О якобы «утраченном» сборнике слов, сказаний и посланий Максима Грека 1584 г. // ТОДРЛ, Петербург, 1997. Т. XLIX. С. 479-487.

³⁷ Перечень публикаций Л.И. Журовой см.: Журова Л.И. Литературное наследие Максима Грека: автор и текст. Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Санкт-Петербург, 2005. С. 48-50.

³⁸ Синицына Н.В. 1) Освоение богословской системы преподобного Максима Грека в религиозном сознании и церковной жизни конца XVI- первой половины XVII века (печатные издания и рукописные собрания его

Цель диссертации – исследовать процесс освоения рукописного наследия Максима Грека на общем фоне развития русской православной культуры последней четверти XVI в. Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) Выявить связь событий культурной истории второй половины и конца XVI в. с творчеством Максима Грека, определить характер и глубину его влияния на русскую культуру конца XVI в.
- 2) На основе анализа состава и структуры собраний сочинений писателя, созданных в конце XVI в., охарактеризовать каждое из них как самостоятельный объект историко-культурного исследования, что предполагает определение (и, возможно, выяснение иерархии) тем и проблем, интерес к которым актуализировал обращение к литературному наследию писателя.
- 3) Установить принципы и приемы, использовавшиеся составителями-редакторами в работе по созданию собраний конца XVI в. (использование источников, выбор и расположение текстов, порядок расположения групп текстов).
- 4) Провести текстологический анализ одного из сочинений Максима Грека по спискам, представляющим раннюю рукописную традицию (прижизненные сборники смешанного состава, Великие Минеи Четии митрополита Макария) и собрания сочинений последней четверти XVI в. – первой трети XVII в.
- 5) На основе текстологического анализа и сравнительного изучения структуры собраний сочинений писателя расширить представление о характере генетических связей между этими собраниями и сборниками внутри каждого собрания, приблизив тем самым создание «генеральной стеммы», в которой нашли бы себе место все сборники сочинений писателя.

Новизна работы состоит в том, что изучению подвергается этап освоения литературного наследия Максима Грека, до сих пор не являвшийся объектом самостоятельного исследования. Исследованием охвачена вся совокупность собраний последней четверти XVI в., в том числе и не изучавшихся ранее, что позволяет рассчитывать на полноту, объемность воссоздаваемой картины восприятия наследия писателя на рассматриваемом этапе. Подобный опыт «сплошного» исследования собраний сочинений писателя, созданных в конце XVI в., предпринимается впервые. Для выяснения происхождения отдельных текстов в составе собраний, а также генеалогии собраний и представляющих их рукописных сборников используются результаты сравнительно - текстологического исследования входящих в них сочинений. Использование методов текстологии для решения задач, связанных с историей собраний сочинений писателя, в особенности собраний конца XVI в., имело до сих пор достаточно ограниченный характер.

Одним из результатов исследования стало введение в научный оборот и публикация Разрешительной грамоты Константинопольского патриарха Иеремии II Максиму Греку, характеризующей отношение к судьбе писателя в России и на православном Востоке в конце XVI в.

Методологию настоящего исследования в значительной степени определяет характер используемых в нем источников. В основе исследования рукописных источников - системный подход. Собрание сочинений писателя как объект изучения раскрывается через систему связей - внутренних, структурных, определенных замыслом составителя, и внешних генетических. Выявление и учет всей совокупности этих связей позволяет определить источники собраний, цели и методы работы их составителей. Сложную систему взаимоотношений образует и вся совокупность собраний, создание каждого из которых отражает единый процесс освоения литературного наследия писателя. В рамках системного подхода для решения задач, связанных с историей собраний сочинений, используются приемы кодикологического анализа рукописных сборников. При изучении истории текста отдельных сочинений применяется сравнительно-сопоставительный (текстологический) метод.

В качестве методологической основы исследования, системный подход реализуется через использование комплекса методов, выбор которых определяется содержанием конкретных исследовательских задач. В настоящей работе использованы проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, культурологический, логико-эвристический методы исследования.

Источниковую базу исследования составили главным образом рукописные материалы, к которым относятся: 1) сборники с сочинениями писателя (XVI- XVIII в.), объединенные в несколько собраний, составленных в последней четверти XVI в.; 2) сборники смешанного состава, включающие сочинения писателя; 3) списки Великих Минеи Четии митрополита Макария. Материалы, привлеченные к исследованию, находятся в главных рукописных хранилищах страны:

сочинений). С. 130-136; 2) Из истории полемики против латинян в XVI веке (о датировке и атрибуции некоторых сочинений максима Грека) // Отечественная история М., 2002. С. 130-141.

³⁹ Синицына Н.В. Сказания о преподобном Максиме Греке (XVI – XVII вв.). М., 2006.

РГБ, РГАДА, ГИМ, РНБ, РГИА, БАН. Кроме этого были использованы рукописные материалы местных книгохранилищ: Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И.Ленина и Государственного архива Ярославской области.

Помимо перечисленных рукописных материалов для изучения рукописной традиции сочинений писателя в качестве источника привлекались опубликованные описания рукописей из различных книжных собраний России. Перечень этих описаний приведен ранее в разделе «Степень научной разработанности проблемы». Особое место в данной категории источников занимает составленный С.А.Белокуровым сводный перечень рукописей, содержащих сочинения и переводы Максима Грека, сказания и известия о нем.

Изучение структуры отдельных собраний сочинений Максима Грека, целей и методов работы их составителей потребовало использования в качестве источника произведений писателя. Они широко представлены в рукописной традиции в составе уже указанных сборников, представляющих различные собрания сочинений, а также в казанском издании сочинений Максима Грека⁴⁰. Значительное количество сочинений писателя, не вошедших в казанское издание, было опубликовано отечественными и зарубежными исследователями.

Апробация исследования. Отдельные положения диссертационной работы были опубликованы в сборниках научных трудов, научных журналах, в том числе рецензируемых ВАК. Всего издано 5 статей общим объемом 2, 5 п.л. По материалам диссертационного исследования прочитаны доклады на 4 научных конференциях, в том числе *международных*: «400-летие учреждения патриаршества в России» (1990 г., Москва); «Россия – Афон: тысячелетие духовного единства» (2006 г., Москва); Диссертация и ее отдельные части были обсуждены и одобрены на заседаниях Центра истории религии и церкви Института российской истории РАН (2006 г.)

Использование результатов исследования. Материалы диссертации были использованы при разработке спецкурса «История отечественной культуры IX-XVIII в.» для студентов Ярославского государственного технического университета. На основе выполненного исследования подготовлен к печати и включен в 1 – й том собраний сочинений Максима Грека текст Первого послания Максима Грека Ф.И.Карпову против предсказательной астрологии (1518 – 1522 г.).

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, историографического обзора, охарактеризованного в начале Автореферата, трех глав, Заключения, списка источников и литературы и Приложений.

Основное содержание работы

Во **Ведении** выявлены три основных направления, по которым шло распространение влияния Максима Грека на русскую культуру второй половины – конца XVI в. Во-первых, рассмотрена связь творчества святогорца с деятельностью первопечатников. Она проявилась в выборе И.Федоровым и его последователями именно тех книг для издания, которые правились Максимом Греком (Апостол, Псалтырь, Часослов, Триодь Цветную и т.д.). В текстах издаваемых богослужебных книг были учтены исправления, сделанные Максимом Греком и его сотрудниками. Близость взглядов И.Федорова и Максима Грека на дело «книжного исправления» проявилась в цитировании в написанных Федоровым послесловиях к Апостолу 1564 г. и львовскому Апостолу 1573 г. одного из важнейших филологических сочинений писателя – Слова отвещательного об исправлении русских книг. Сочинению принадлежит важное место в доказательстве правомерности и необходимости исправлений в священных текстах, сделанных Максимом Греком. Влиянием писателя объясняется, по-видимому, и отмечаемая исследователями стилистическая близость Послесловия к Апостолу 1564 г. с сочинениями Максима Грека.

Взгляды Максима Грека получили развитие и в православных культурно-просветительных центрах на территории Великого княжества Литовского, куда после 1567 г. была перенесена деятельность московских первопечатников. Необходимость противодействия распространению католицизма и планам подготовки Брестской унии 1596 г. заставила местных издателей обратиться к полемическим сочинениям самого Максима Грека. Одно из них (первое «Слово на латинов») с некоторыми сокращениями и в переложении на литературный язык ряда острожских, киевских изданий того времени было издано в 1588 (или 1598 гг.) в Остроге в составе «Книги о вере» Василия Суражского. Издание было распространено не только в Литве, но и использовалось в ходе богословской полемики в России.

⁴⁰ Сочинения преподобного Максима Грека. Под ред. И.Я.Порфирьева. Изд. Казанской духовной академии. Казань, 1859—1862. Ч. 1-3; Изд. 2. Казань, 1895—1897. Ч. 1-3.

Начало в 1587 г. «нового периода» книгопечатания в Москве и активизация интереса к творческому наследию писателя, совпавшие по времени, были связаны с подготовкой и учреждением патриаршества России.

Другим направлением влияния творчества Максима Грека на русскую культуру второй половины – конца XVI в. явилось использование творческого наследия Максим Грек в процессе сложения и эволюции азбуковника. Ко второй половине XVI в., как установлено Л.С.Ковтун, относится завершение трех «крупных лексикографических предприятий» - трех Азбуковников (далее: А.).

«Первый» А., датируемый концом 50-х - 60-ми гг. XVI в., создавался «под сильнейшим воздействием суждений афонского ученого по вопросам перевода и правки церковных книг». Максим Грек – единственный из авторов XVI в., сочинения которого послужили источником при составлении словарных статей А. В «первом» А. использованы материалы, связанные с работой по переводу Псалтыри (1552 г.), осуществленному Максимом Греком совместно с Нилом Курлятевым, а также почерпнутые из сочинений святогорца. В азбуковниках, создававшихся к 90-м гг. XVI в. роль Максима Грека в качестве истолкователя слов подчеркнута ещё больше. Во «втором» А. приводятся более пространные фрагменты сочинений писателя, в состав этого А. в полном объёме включен ономастикон Максима Грека «Толкование именов по алфавиту». Анализ связи А. с творчеством писателя позволил Л.С.Ковтун заключить, что Максим Грек «может быть назван в числе главных создателей этого жанра, так как определил в очень существенных чертах процессы его сложения»⁴¹.

Непосредственным поводом к активизации филологической деятельности в Московской Руси в 90-е гг. XVI в., проявившейся, в частности, в создании второго и третьего А., явился, по мнению Л.С.Ковтун, Брестский собор 1596 г.

Велико влияние Максима Грека на развитие переводческой практики последних десятилетий XVI в. В качестве примера такого влияния рассматриваются переводческие труды князя А.М.Курбского. Анализ Предисловия к «Новому Маргариту» позволяет утверждать о том, что программа переводческой деятельности А.М.Курбского оформилась под влиянием Максима Грека. После прихода в Литву иезуитов (1569 г.) А.И.Курбским в его имении Миляновичи был создан центр по переводу патристики, ставший «цитаделью православия накануне Брестской унии». О влиянии творчества Максима Грека на его деятельность свидетельствует состав памятников, переводившихся в Миляновичах. А.М.Курбский переводит сочинения Иоанна Златоуста - христианского автора очень почитаемого и много переводившегося святогорцем. Особо отчетливо связь переводческой деятельности Курбского с творчеством Максима Грека прослеживается на примере бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и Иоанна. Оба памятника, переведенные в 1524 г. Максимом Греком и его учеником троицким монахом Селиваном, имели пропуски, т.к. часть бесед в имевшихся у них греческих списках текста отсутствовала. Пробел был восполнен А.М.Курбским, переведшим недостающие беседы. Приведенный факт позволяет говорить о существовании преемственности между переводческими трудами Максима Грека и А.М.Курбского.

Важное место в переводческой деятельности А.М.Курбского занимала работа над книгой Иоанна Дамаскина «Источник знания». Мнение о необходимости перевода этой книги Максим Грек прямо высказал в «Послании киру Георгию на обеты некоего латынина мудреца». Именно это Послание, как свидетельствует сам Курбский, побудило его приступить к переводам сочинений Иоанна Дамаскина. Максим Грек неоднократно отмечал значение и достоинства произведений. Иоанна Дамаскина, переводил отрывок его «Изложения Православной веры». В оригинальных сочинениях святогорца приведены обширные цитаты из трудов Иоанна Дамаскина.

О переводах Курбским Василия Великого, Григория Богослова, Дионисия Ареопагита можно судить только на основании косвенных свидетельств, т.к. текст переводов не сохранен в рукописной традиции. Выбор Курбским тех же авторов, а в ряде случаев и тех же памятников, которые переводились Максимом Греком, по-видимому, определялся тем, что переводческие труды А.М.Курбского, как и переводы святогорца, были подчинены задачам богословской полемики.

Влияние творчества Максима Грека на деятельность А.М.Курбского проявилось в использовании Курбским переводов и сочинений святогорца, ссылок на его произведения.

В основу переводческой практики Максима Грека, как показала С.Матхаузерова⁴², была положена созданная им «грамматическая» теория перевода. Изучение переводческих воззрений

⁴¹ Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI- начала XVII в. Л., 1975. С. 257.

⁴² См.: Матхаузерова Св. Древнерусские теории искусства слова. Praha, 1976. С. 45-50.

А.М.Курбского свидетельствует о том, что они сформировались под влиянием Максима Грека и находились в прямой зависимости от «грамматической» теории перевода.

Глава I. «Собрания сочинений Максима Грека последней четверти XVI в». состоит из пяти параграфов. **Первый параграф** посвящен Собранию до 1587 г. Появление собрания почти совпало по времени с приездом Антиохийского патриарха Иоакима (лето 1586 г.) и началом переговоров об учреждении в Москве патриаршества. За исключением трех текстов (два из них включены в состав Румянцевского собрания), сочинения, находящиеся в Собрании до 1587 г., известны по прижизненным систематизированным собраниям. Структурные параллели Собрание до 1587 г обнаруживает только с Хлудовским, что свидетельствует о вероятности генетической связи обоих собраний. На это же указывает и совпадение у обоих собраний ряда заглавий (гл. 17, 54, 55).

Изучение структуры собрания имеет целью выяснить, чем определялся выбор текстов из состава прижизненных систематизированных собраний и достижению каких целей было подчинено создание последовательности текстов, представленной в собрании.

Главный мотив начальной части собрания – мотив несправедливости предъявленных писателю обвинений, а также утешительный - задает соответствующую тональность всему собранию. Выбор и расположение текстов, образующих 1 и 2 – ю главы собрания, по-видимому, имели целью акцентировать внимание на переводческой деятельности Максима Грека, выделить её как наиболее значимую часть его литературных трудов, а косвенным образом – показать несправедливость обвинений, наиболее тяжкое из которых – в ереси - было связано с его переводами. Далее «оправдательная» тема развита в тематическом комплексе (гл. 13-15), включающем два сочинения касающиеся Символа Веры, оба - в связи с проблемой перевода священных текстов. С начальными главами собрания эти сочинения сближает их связь с переводческой, филологической деятельностью Максима Грека. В третьем сочинении комплекса (гл. 15 – Послание царю Ивану IV Васильевичу) святогорец заявляет о своей невиновности и просит о возвращении на родину.

Просветительскую направленность творчества Максима Грека характеризуют сочинения, находящиеся в гл. 3-12., некоторые из них (гл. 3-8) отличаются тематикой, но сближаются назначением, характером и жанром (разоблачения апокрифов, ответы на вопросы церковно-исторического и обрядового характера). Менее однородны в жанровом отношении гл. 9-12.

Значительную часть собрания составляют истолковательные и нравоучительные сочинения. В заключительной части собрания представлены в основном полемические сочинения различной направленности.

Абсолютное большинство текстов, не включенных в состав Собрания до 1587 г., относится к «оправдательному» комплексу в 12 глав, открывающему Иоасафовское и Хлудовское собрания, а также к главам 13-25. Сочинения второй части этих собраний вошли в Собрание до 1587 г. почти в полном составе. Вне его оказались преимущественно полемические сочинения, а также тексты, посвященные вопросу о монастырских «стяжаниях» и проблеме государственной власти. Анализ сочинений, включенных в собрание и оставшихся за его пределами, свидетельствует о том, что помимо тематики составители учитывали и особенности их жанровой природы. Значительная часть сочинений, не включенных в собрание, относится к жанру трактата-поучения. Эти сочинения, написанные Максимом Греком специально для создаваемых им Иоасафовского и Хлудовского собраний, отличаются абстрактным характером и, как правило, лишены каких – либо реалий. Проследить их связь с конкретными событиями жизни писателя невозможно или очень трудно, что, по-видимому, и обусловило относительно меньшую востребованность таких произведений при создании нового собрания. Предпочтение было отдано текстам, тесно и непосредственно связанным с обстоятельствами жизни и творческой биографии Максима Грека: они позволяли представить условия, в которых разворачивалась его литературная деятельность, а значит, лучше понять ее мотивы и содержание. Тексты, предпочтенные составителями, отличаются сравнительно небольшим объемом, часть из них относится к числу ранних, написанных до 1525 г.

Второй параграф посвящен собранию Вологодского архиепископа Ионы (Думина). Дана характеристика культурно-просветительской деятельности архиепископа Ионы. Рассмотрена проблема источников и истории собрания. Изучение истории текста I-го Послания Максима Грека Ф.И.Карпову против астрологии не подтвердило гипотезу Д.М.Буланина о существовании особого «Рогожского» собрания, являвшегося одним из источников собрания Ионы (Думина). Не получил текстологического подтверждения и вывод Д.М.Буланина о том, что первоначальный вариант «Рогожского» собрания отразился в рукописи Больш. 16.

Анализ структуры собрания свидетельствует о том, что его составители сохранили в неприкосновенности авторскую последовательность глав, унаследованную от прижизненных

систематизированных собраний. Логическая схема, следуя которой Максим Грек изложил своё мировоззрение, доказал верность Православию и невиновность, не была нарушена, а сохранялась в качестве парадигмы восприятия читателями его творчества. Это позволяет утверждать, что составители собрания разделяли ту интерпретацию деятельности Максима Грека, которая была предложена им самим.

Соединяя в собрании архиепископа Ионы весь Иоасафовский и вторую часть Хлудовского типа (за исключением глав, повторявших главы Иоасафовского), составители стремились представить наследие писателя в возможно более полном виде. Введение в составе собрания ранее мало распространенных в рукописной традиции посланий патриархов Иоакима и Дионисия Ивану IV об освобождении Максима Грека можно рассматривать как проявление внимания к мнению восточных патриархов в отношении святогорца и как солидарность с этим мнением. Включение в заключительную часть собрания полемического волоколамского комплекса, по-видимому, было вызвано актуализацией антилатинской тематики в связи с установлением патриаршества.

Третий параграф посвящен собранию сочинений писателя, представленному в рукописи Парижской Национальной библиотеки Slave 123. Рассмотрены история изучения рукописи Slave 123 и оценки исследователей характера её отношений с рукописью ГИМ. Син. 491. Замысел начальной части собрания (гл. 1-18) определяют сочинения, доказывающие несправедливость выдвинутых против него обвинений в ереси. Внимание акцентируется на компетентности Максима Грека как переводчика, филолога, обоснованности сделанных им исправлений и важности осуществленных переводов. В эту часть собрания включен комплекс текстов, отражающих культурно-просветительское направление творчества писателя.

Часть собрания, охватывающая гл. 18-100, по существу, представляет собой совокупность фрагментов и отдельных глав Иоасафовского и Хлудовского собраний, чем в целом и определяется состав данной части Slave 123. Фрагменты ранних собраний в Slave 123 сохранены, вследствие чего значительная часть текстов осталась в окружении тех же сочинений, что и в самих этих собраниях. Анализ структуры Slave 123 не позволяет установить определенно каким целям было подчинено переустройство первоначального порядка глав прижизненных собраний (их дробление и структурирование полученных фрагментов и отдельных сочинений).

Наличие структурных параллелей Slave 123 с Иоасафовским и Хлудовским собраниями одновременно, или только с одним из них позволяет проследить генетические связи отдельных групп текстов Slave 123. Совпадение последовательности гл. 70-80 Slave 123 с порядком глав заключительной части собрания архиепископа Ионы, позволяет предполагать наличие генетической связи данного фрагмента Slave 123 с Соловецко-Рогожским или Соловецко-Большаковским видом данного собрания.

В заключительную часть Slave 123 введены тексты (гл. 102, 105-109) ранее не включавшиеся в собрания сочинений писателя. Большинство глав этой части образуют тексты переводного характера (гл. 101, 103, 104 (частично), 105-108, 111). Некоторые (гл. 105, 108, и, по-видимому, гл. 102 и 109) имеют полемическую направленность. Характер связи ряда текстов этой части Slave 123 с творчеством писателя – как с оригинальными его трудами, так и с переводными – не определен и нуждается в изучении.

В целом подбор и расположение текстов осуществлялись составителем Slave 123 целенаправленно, что в особенности заметно при анализе отдельных фрагментов собрания. Наиболее отчетливо признаки составительской работы и позиции составителя проявляются в подборе начальных глав собрания.

Четвертый параграф посвящен Синодальному собранию. Проблема происхождения Синодального собрания затрагивалась в работах А.Т.Шашкова, Х.Олмстеда, Д.М.Буланина. В центре внимания исследователей был вопрос взаимоотношений старшего списка собрания (ГИМ, Син. 491) и собрания, отразившегося в рукописи Slave 123. Внимание к данному вопросу было вызвано наличием в Син. 491 второй (непорядковой) нумерации глав, в основном соответствующей порядку текстов рукописи Slave 123. Высказанные исследователями мнения не были подкреплены детальным анализом состава и структуры обеих рукописей и результатами их текстологического изучения. В ходе исследования был установлен ряд расхождений в составе обоих собраний (отсутствие в Син. 491 нескольких текстов, находящихся в Slave 123), а также структурные несоответствия (несоответствие действительного положения главы в Slave 123 и второй нумерации Син. 491; отсутствие у ряда глав Син. 491 второй нумерации). Особое значение имеют выявленные в составе Син. 491 структурные параллели к прижизненным систематизированным собраниям сочинений писателя, отсутствующие в Slave 123. В двух главах Син. 491 (гл. 79, 81) продублировано одно сочинение, заглавия которого в

обеих главах различаются, что свидетельствует о вероятной принадлежности обоих текстов к различным рукописным традициям. Данные наблюдения позволяют предположить, что в качестве источника Синодального собрания, наряду с Slave 123 или подобной ей рукописью, использовался другой источник.

В начальной части собрания (гл. 1-14) затронуты вопросы, связанные с переводами и филологической практикой Максима Грека, их ролью в его судьбе. Собрание открывает Послание Максима Грека Василию III Ивановичу по поводу окончания перевода Толковой псалтири. К нему тематически примыкают тексты, объясняющие непонятные места св. Писания. Здесь же помещены Слова об исправлении русских книг и «Исповедание православной веры», созданные святогорцем с целью объяснить и доказать правомерность и необходимость осуществленных им исправлений «священных текстов» и обосновать, тем самым, свою невиновность. В последнем сочинении этой части («Сказание о еже како подобает известно блюсти исповедание Православныя веры») автор обвиняет переводчиков в порче «богодуховенных» книг. Тексты начальной части содержат не только богатую аргументацию в защиту писателя против обвинений в ереси, но и его обращения с просьбой об отпуске на родину.

Следующая далее часть собрания (гл. 15-50) включает разнообразные сочинения, среди которых преобладают «истолковательные статьи» по вопросам богословского и церковно-обрядового характера, «нравоучительные» произведения. В этой части выделяется единый комплекс текстов, в которых излагаются взгляды Максима Грека на состояние и недостатки современного ему русского общества и проблему государственной власти (гл. 29-33).

Наиболее значительный тематический комплекс образуют полемические сочинения (гл. 51-76). Его полнота, представительность, внутренняя упорядоченность свидетельствуют о том, что полемические выступления писателя рассматривались составителями собрания как наиболее актуальная часть его литературного наследия. В единую группу объединены сочинения, посвященные проблемам монашеской этики (гл. 78-85).

Критическое отношение к существовавшему порядку поставления русских митрополитов было одной из главных причин осуждения Максима Грека. Сочинения, в которых писатель затрагивал проблему автокефалии Русской Церкви и отношений с восточными престолами (гл. 88, 89), выделены в особую группу, что может свидетельствовать как о важности этой темы в контексте событий конце XVI в, так и об интересе составителей собрания к проблеме осуждения писателя. Единый комплекс материалов, связанных с биографией Максима Грека, образуют гл. 95-99. Материалы комплекса (послания писателя митрополитам Даниилу и Макарию, грамоты восточных патриархов) характеризующие отношение к Максиму Греку руководства Русской и восточных Церквей, расположены в соответствии с этапами биографии писателя, что, бесспорно, отражает замысел составителей собрания.

Отличительной особенностью Синодального собрания является то, что тексты систематизированы не только в рамках всего собрания, но и внутри некоторых его частей - целостных тематических комплексов. Данная черта наглядно представлена в комплексе полемических текстов, где сочинения различной направленности (противоастрологические, антилатинские и др.) объединены в отдельные группы. Полнота охвата и точность классификации сочинений свидетельствуют о высоком уровне подготовки его составителей и высокой степени изученности литературного наследия писателя.

В **пятом параграфе** рассматривается Музейное собрание. Проанализированы его состав и структура. Музейное собрание имеет независимые структурные параллели с Slave 123, и с Синодальным собранием, что свидетельствует о наличии самостоятельных генетических связей Музейного с каждым из них. Анализ структуры собраний позволяет ограничиться общими соображениями относительно характера этих связей: 1) Сборник Slave 123 имеет наиболее архаичную структуру, что исключает прямую зависимость ее от порядка глав Синодального и Музейного собраний; 2) Параллели Синодального и Музейного собраний могут отражать как зависимость обоих собраний от одной и той же последовательности глав, отличной от Slave 123, так и зависимость одного из них от другого; 3) Прямая зависимость Музейного от Синодального крайне маловероятна, т.к. в Музейном сохранены фрагменты структуры ранних собраний, отсутствующие в Синодальном.

Систематизация текстов осуществлялась на основе тематического принципа. Своеобразие подхода составителей к структурированию начальной части собрания проявилась в сохранении структуры первоначального «оправдательного» комплекса в 12 глав и совмещении её с комплексом полемических текстов (гл. 11-32), в результате чего последний оказался гармонично «встроенным» в

оригинальную авторскую последовательность. Налицо понимание составителями смысла и ценности оригинальной авторской структуры текстов и стремление её сохранить. Объединение значительного количества полемических сочинений в единый тематический комплекс и помещение его в начало собрания свидетельствует о том, что в конце XVI в. данная часть творческого наследия писателя находилась в числе наиболее актуальных и востребованных. Наиболее представительными в рамках полемического комплекса являются группы сочинений, посвященных критике «латинства» и астрологии. Интерес к антилатинским выступлениям писателя, возросший в конце XVI в., был связан с учреждением патриаршества. Тема учреждения патриаршества затрагивается и непосредственно (включение в состав собрания Повести о белом клобуке), в которой имеется предсказание об учреждении патриаршества. При этом составители соотносят ее с выступлениями писателя по вопросу об автокефалии Русской Церкви.

Наличие в собрании тематических комплексов, отражающих различные стороны филологической деятельности Максима Грека, свидетельствует о востребованности его опыта и влиянии на филологическую практику конца XVI в. Присутствие в собрании комплекса биографических материалов, свидетельствует об интересе к судьбе писателя.

Глава II. «Выступления Максима Грека против астрологии в контексте идейной борьбы последней четверти XVI в.» состоит из двух параграфов. **Первый параграф** - «Распространение астрологических представлений в России XVI в. и полемические сочинения Максима Грека».

Актуальность астрологической проблематики в России первой четверти XVI в. обуславливалась рядом причин. Окончание 7-го тысячелетия (1492 г.) усилило эсхатологические ожидания и внимание к астрологическим предсказаниям. Необходимость расчета новой пасхалии, активизировавшая изучение практической астрономии, привела к созданию в конце XV – середине XVI в. ряда календарно-хронологических памятников⁴³.

Распространению интереса к астрологии способствовала деятельность представителей новгородско-московской ереси 80-90-е гг. XV в., с участниками которой связывают появление на Руси перевода книги «Шестокрыл»⁴⁴ и «Космографии»⁴⁵. Перечень астрологических сочинений, имевшихся у еретиков, этим не ограничивался. По утверждению Б.Е.Райкова, еретики «владели большим количеством астрологических и гадательных книг».

В первые десятилетия XVI в. интерес к астрологии был усилен благодаря деятельности Николая Булева (Немчина)⁴⁶ - придворного врача великого князя Василия III Ивановича и автора ряда несохранившихся переводных и оригинальных сочинений. Содержание этих сочинений может быть отчасти восстановлено по ответам Немчину его оппонентов. Булев отстаивал идею «соединения» православной и католической церкви, для обоснования которой использовал аргументы астрологического характера. Идеи Немчина были изложены в его обращениях к видным светским и духовным деятелям России. Оппонентами Немчина стали такие известные и авторитетные публицисты как псковский старец Филофей и Максим Грек. Сочинения, в которых Максим Грек полемизирует с Булевым, относятся к начальному (до 1525 г.) периоду его жизни в России. Первое и наиболее значительное из них - I-е послание Максима Грека Ф.И.Карпову против предсказательной астрологии. В нем автор обличает астрологическое предсказание нового

⁴³ К ним относятся: «Изложение пасхалии» митрополита Зосимы; введение к пасхалии и рассуждение «О летах седмья тысячи», вышедшее из кружка Новгородского архиепископа Геннадия; «Великий круг миротворный» священника Агафона (1541-1542 гг.); «Зрячая пасхалия» Ермолая-Еразма). Сочинение Ермолая-Еразма, известное в двух редакциях – 1546 г. и 60-х гг. XVI в., послужило, по наблюдению А.А.Романовой, «прототипом для последующих росписей «зрячей пасхалии» в виде текста», включаемых в богослужебные сборники начиная с середины XVI в. (Характеристику этих памятников см.: Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV – XVII вв. С.-Петербург, 2002. С. 64 - 218).

⁴⁴ Оpubл.: Соболевский А.И. Переводная литература Древней Руси XIV-XVII вв. СПб., 1903. С. 413-417; См.: Райков Б.Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Из прошлого русского естествознания. М.;Л., 1947. с. 69; Кузаков В.К. Очерки развития естественнонаучных и механических представлений на Руси X-XVII вв. М., 1976. С. 103.

⁴⁵ Кузаков В.К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси. С. 103. В книге Н.А. Казаковой и Я.С. Лурье это сочинение не упомянуто (см.: Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV- начала XVI в. М.;Л., 1955).

⁴⁶ Следует иметь ввиду, что при всем значении деятельности Булева «успех его пропаганды можно объяснить тем, что она ложилась на подготовленную почву, связанную с существованием национального русского синтеза календарно-математических и сокровенных знаний.» (См.: Симонов Р.А., Турилов А.А., Чернецов А.В. Древнерусская книжность (Естественнонаучные и сокровенные знания в России XVI в., связанные с Иваном Рыковим). М., 1994. С. 22)..

всемирного потопа в 1524 г. и предсказание о судьбах «турков» и будущих церковных преобразованиях, важное для понимания целей, преследовавшихся Булевым. Содержание предсказания свидетельствует о том, что Немчин «связывал свою религиозную пропаганду с политической, давая ей астрологическое обоснование»⁴⁷ и позволяет определить, к достижению каких именно политических результатов стремился Булев. Это - присоединение Россия к антитурецкой коалиции и «соединение» православной и католической церковью (возрождение условий Флорентийской унии).

В послании Максим Грек сформулировал основные принципы своей полемики с приверженцами «звездозрения» и определил ее важнейшие темы: тема «самовластья» человека, свободы его в выборе между добром и злом, и доказательство того, что источником зла в мире является не Бог, а прегрешения людей. Акцентируя внимание на религиозно-догматической и этико-философской стороне проблемы, Максим Грек сознательно избегал рассматривать ее политический аспект.

Во втором послании Максима Грека Ф.И.Карпову (1523-1524 гг.) на первый план выдвигаются другие темы – о значении «внешних наук» и о необходимости астрологии царям и правителям. Автор не отрицает пользу, которую способен принести «внешнее знание», в том числе и астрономия, но отделяет от него астрологию. Содержание послания позволяет предположить, что астрология имела широкое распространение, причем среди лиц, обладающих, как и Ф.И.Карпов, высоким общественным положением.

С пропагандой Булева связано написанное в конце 1524 - январе 1525 гг. «Слово обличительно отчасти латынского злословия, в нем же и на альманака, иже возвелеречевавши потопа всемирнаго быти иже некогда поминаемых губительнейша ». Слово было написано в связи с тем, что новый всемирный потоп, предсказанный авторами распространявшегося Булевым астрологического альманаха, не состоялся. В этом сочинении Максим Грек подвергает критике как увлечение астрологией, так и католическую догматику, намеренно объединяя приверженцев астрологии с «латинянами». Такой подход позволял, с одной стороны, дискредитировать астрологию в глазах православных читателей Максима Грека, с другой - «придать более убедительный характер полемике с «латинянами», расширив круг их заблуждений»⁴⁸.

В прижизненных собраниях противoaстрологические произведения начального периода творчества писателя не включаются; в них астрологическая тема представлена другими текстами, датировка и обстоятельства создания которых требуют дополнительного изучения⁴⁹. В этих произведениях, отличающихся систематизированностью аргументации и отсутствием каких-либо реалий и датирующих признаков⁵⁰, автор в целом не выходит за рамки круга проблем, затронутых им в более ранних противoaстрологических посланиях.

В эпоху средневековья астрономия-наука и астрология были тесно переплетены⁵¹; система астрологических представлений зависела от достигнутого уровня естественнонаучных, астрономических знаний и опиралась на них. Поэтому важным является вопрос о характере астрономических проблем, обсуждавшихся в России XVI в. Интерес представляет в этом отношении написанное Максимом Греком «Послание к некоему мужу поучительно на обеты некоего латынина - мудреца»⁵², представляющее собой критический разбор перевода немецкой книги «Луцидариус». Трактровка космологических вопросов, изложенных в «Луцидариусе» позволила Б.Е.Райкову заключить, что этот перевод «явился у нас одним из проводников западных натурфилософских влияний, перенеся на русскую почву представления, заимствованные у Аристотеля-Птолемея».

Свидетельством широкого распространения астрологической литературы в середине XVI в. являются списки «отреченных» книг, приведенные в постановлениях Стоглавого собора и в «Домострое». Активизации борьбы с астрологией отражала усиление борьбы Церкви с

⁴⁷ Синицына Н.В. 1) Максим Грек в России. С. 92; 2) Третий Рим. С. 178.

⁴⁸ Указ. соч. С. 90.

⁴⁹ См.: «Того же инока Максима Грека послание к некоему иноку, бывшу во игуменех, о немецкой прелести глаголеми фортуны и о колесе ея» (данное заглавие текст имеет в Иоасафовском (гл. 37) и Хлудовском (гл. 55) собраниях, в Румянцевском (л. 26 об.-30 об) он имеет надписание «Тое ж 3 песни Анны пророчицы»); «Сказание от чясти 3 песни Анны пророчицы» (Рум. 264. л. 11 об.-16); «Сказание от чясти тое же 3 песни Анны пророчицы» (Рум. 264. л. 22 – 26 об.).

⁵⁰ Синицына Н.В. Максим Грек в России. С. 90.

⁵¹ См.: Кузаков В.К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси. С. 107.

⁵² Сочинения преп. Максима Грека. Ч. 3. С. 226-236.

«латинством»⁵³, вызванное ростом католической экспансии в Великом княжестве Литовском и внешнеполитическими событиями 50-х-90-х гг. (Люблинской унии, Ливонская война).

Проникновение в Россию естественнонаучной и астрологической литературы, однако, не было прекращено полностью. Примером этому может служить русский перевод Хроники польского историографа Мартина Бельского, появившийся в России во второй половине XVI в. Пятая книга Хроники («Козмаграфия»), космологические идеи которой были основаны на теории Аристотеля-Птоломея и соответствовали изложенным в Луцидариусе⁵⁴, содержала прямые указания на то, что сочетание светил и «знамен» оказывает влияние на судьбу человека.

В во второй половине XVI в. интерес к астрологии проявляется не только в сохранении рукописной традиции уже существующих астрологических сочинений, но и в создании новых текстов. Ряд таких текстов, в числе которых гадательная книга Рафли, связан с деятельностью псковского книжника Ивана Рыкова. Изучение этих текстов привело А.А.Турилова и А.В.Чернецова к заключению о существовании кружка псковских книжников, разделявших интересы «создателя русской книги Рафли» и «правомерности» постановки вопроса о принадлежности Ивана Рыкова - «автора крупнейшей русской компиляции на темы мантики и астрологии» - к ближайшему окружению Ивана IV⁵⁵. Особенности творчества Ивана Рыкова позволяют видеть в нем фигуру «не чуждую тенденций Ренессанса». Сравнивая деятельность псковского книжника с творчеством его немецкого современника, астролога и каббалиста Агриппы Неттесгеймского, исследователи приходят к мнению о наличии «параллелизма развития некоторых тенденций западноевропейской и русской культуры» того времени⁵⁶.

Изучение собраний сочинений Максима Грека 80-90-х гг. XVI в., подтверждает мнение о том, что противоастрологическая тематика сохраняла актуальность и в это время. Противоастрологические сочинения представлены в них широко. Это - не только тексты, включенные в прижизненные собрания, но и ранние (до 1525 г.), до этого времени мало распространенные в рукописной традиции.

В Синодальном и Музейном собраниях противоастрологические сочинения введены в состав полемических комплексов, где соседствуют с текстами другой направленности (антилатинскими, против «агарян», иудеев и т.п.). В Синодальном собрании сочинения против астрологии образуют цельную тематическую группу (гл. 51-55)..

Заключительная часть собрания архиепископа Ионы (Думина) представлена полемическим волоколамским комплексом. В нем противоастрологические сочинения оказываются включенными в антилатинский контекст, что отражает зависимость астрологической темы от главной идеи «латинской» пропаганды Булева – идеи «соединения» Церквей. Присутствие волоколамского комплекса в составе данного собрания свидетельствует о том, что противоастрологические выступления святогорца могли восприниматься как часть усилий по борьбе с «латинством». Оба направления полемики рассматривались как тесно и нераздельно связанные. Включение противоастрологических текстов в последовательность антилатинских сочинений имеет место и в Синодальном собрании, что видно на примере гл. 69-77.

Интерес к противоастрологическим выступлениям Максима Грека и их связи с антилатинской полемикой, наблюдающийся в собраниях 80-90-х гг. XVI в., по-видимому, отражает состояние и потребности идейной борьбы того времени.

В центре идейной борьбы, богословской полемики 80-90-х гг. XVI в. лежит идея «соединения» церквей. Важное значение в планах сторонников церковной унии имела календарная реформа, начатая на землях Речи Посполитой в 1582 г. Она не только обострила богословские споры, но и заметно оживила, в том числе и в России, обсуждение вопросов церковного календаря (новые правила вычисления Пасхи вошли в противоречие с каноническими нормами⁵⁷), усилила интерес к практической астрономии. Через издания, появившиеся в 80-90-е гг. в православных центрах Речи Посполитой «многочисленная литература, возникшая в ходе полемики сторонников юлианского календаря с календарной реформой, проникла и в книги Московской Руси»⁵⁸. Тексты из острожских и

⁵³ См.: Очерки русской культуры второй половины XVI в. М., 1977. С. 239.

⁵⁴ Райков Б.Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. С. 49.

⁵⁵ См.: А.А.Турилов, А.В.Чернецов Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 286-287.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV – XVII вв. СПб., 2002. С. 228.

⁵⁸ Указ. соч. С. 229-230.

виленских изданий этого времени известны в рукописной традиции в Московской Руси конца XVI – первой трети XVII вв.⁵⁹

Несколькими десятилетиями ранее идея «соединения» православной и католической церковью пропагандировалась Николаем Булевым, стремившимся обосновать её с помощью астрологии. Наиболее глубоким и аргументированным ответом на пропаганду Немчина явились сочинения Максима Грека, доказывающие несостоятельность астрологических выкладок Булева и содержащие развернутую и систематизированную критику «звездозрительной» мудрости.

Актуализация проектов «соединения» церковью вызывала необходимость противодействия им и естественным образом заставляла обратиться к уже имеющемуся опыту, чем и объясняется внимание к противоастрологическим произведениям Максима Грека, составляющим неотъемлемую часть его критики идеи «соединения» церковью.

Во **втором параграфе** представлено текстологическое исследование Первого послания Максима Грека Ф.И.Карпову против предсказательной астрологии (ок. 1523 г.). В ходе исследования установлено, что текст, более близкий первоначальному, авторскому, находится в самой ранней из сохранившихся рукописи ГИМ, Син. 384 (30-е гг XVI в.), которая положена в основу его публикации в новом, готовящемся издании сочинений Максима Грека (т. 1). Здесь впервые вводится в научный оборот полный текст Послания, для которого в казанском издании была использована дефектная рукопись с большой лакуной. Послание известно в четырех ранних сборниках смешанного состава, Великих Минеях Четких митрополита Макария (во всех трех комплектах) и собраниях сочинений Максима Грека конца XVI-XVIII вв. Списки прижизненных сборников составляют три группы: 1) Основной список (ГИМ, Син. 384); 2) Минейная группа (РНБ, Q.487; ГИМ, Син. 183; ГИМ, Син. 997); 3) Волоколамская группа (.РГБ, ф. 113, Вол.522). Различия между Осн. списком и каждой из двух ранних (прижизненных) групп (Минейной и Волоколамской) в основном двух видов – это либо незначительные ошибки (в Минейной и Волоколамской различные), либо лексические варианты, а также изменения форм слов. В каждой группе они разные. Но имеются и общие для обеих групп различия, они свидетельствуют о наличии общего протографа обеих групп, отличающегося от протографа основного текста. К этому единому протографу самостоятельно восходят протографы каждой из двух групп.

В Минейной группе имеется значительное количество пропусков и ошибочных чтений. Большинство индивидуальных чтений не повторяются далее в рукописной традиции. Волоколамская группа (волоколамская традиция), напротив, оказала большое влияние на историю текста в составе собраний сочинений Максима Грека конца XVI-XVII вв. В ней, как и в Минейной, тоже встречается достаточное количество пропусков и ошибочных чтений. Среди вариантных чтений Волоколамской группы не исключено наличие авторских вариантов, которые отражают либо продолжение работы Максима Грека над стилем своих сочинений, процесс освоения им ресурсов русского языка, либо совместную работу с его помощниками, писцами и редакторами (либо сочетание того и другого).

Списки Послания в собраниях сочинений XVI-XVII вв. образуют несколько групп: группа собрания Вологодского архиепископа Ионы (Думина) (РГБ, ф. 247, Рогож.302 – *P*; РГБ, ф. 37, Больш. 16 – *Би*; ГИМ, Увар. 310 – *У*; РГБ, ф. 98, Егор.207 – *Е*; РНБ, Погод.1141 – *Н*); собрание в составе рукописи Парижской Национальной библиотеки Slave. 123 (*Л*); группа Синодального собрания (ГИМ, Син. 491 – *С*; РНБ, Погод.1139 – *И*; РГБ, Ундольск. 489 – *Г*); группа Музейного собрания (РГБ, ф. 292, Собр. Строева, № 62 (М.8291- *М*); группа Полного (в 151 главу) собрания (РГБ, ф. 304, Троицк. 201 – *Тр*); группа Троицкого собрания (РГБ, ф. 304, Троицк. 200 – *Т*); Собрание Прохора Шошина (1660 г.), сохранившееся в одном списке.

Для истории текста в составе собраний конца XVI-XVII вв. важно было выяснить происхождение большой лакуны, имеющейся в группах Синодального, Музейного; Полного (в 151 главу) собраний, а также в собрании Прохора Шошина; по-видимому, через него она перешла в казанское издания. А.В.Горский и К.И.Невоструев, отметившие наличие лакуны в описании рукописи Син. 491, обратили внимание на то, что пропущенный фрагмент текста вставлен в гл. 70 (второе антилатинское послание Ф.И.Карпову) той же рукописи. Размер лакуны, соответствующий примерно одной тетради, и перемещение текста в другое сочинение позволили предположить, что на ранней

⁵⁹ См.: Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV – XVII вв. С. 235-236, 238, (прим. 49). В числе этих изданий А.А.Романова называет «Книгу о единой истинной Православной Вере» Василия Суражского (датируется «после 1588 г.» или 1598 г.) и сочинения протосингела Александрийской Церкви Мелетия (1598 г.).

стадии истории текста тетрадь была ошибочно вставлена не на своё место. Однако ни в одном из известных списков трех названных собраний текст не соответствует цельной тетради. Но он был обнаружен в составе собрания, сохранившегося в рукописи *Slave 123*. В тексте послания в данной рукописи имеется та же лакуна точно на стыке тетрадей, а отсутствующий текст занимает целую отдельную тетрадь, вплетенную в послание Ф.И.Карпову против католической пропаганды Николая Булева. Тем самым с бесспорностью доказывается, что текст в рукописи *Slave 123* (или восходящей к ней рукописи) является Архетипом текста в составе трех собраний (Синодального, Музейного и Полного). Этот вывод может быть распространен и на текст антилатинского послания, упомянутого выше. Сделанный вывод подтверждается наличием ряда пропусков и чтений, объединяющих *Slave 123* со всеми тремя собраниями. Среди этих чтений явно ошибочные, либо допустимые вариантные чтения. Кроме общих чтений *Л-СПГ-МТр* выявлен ряд совпадений с ещё более обширным кругом рукописей, в котором к указанному ряду присоединяются рукописи собрания архиепископа Ионы: *Л-СПГ-МТр-РУБиЕН*. Следовательно, значение *Л* не ограничивается тем, что она явилась архетипом для ряда текстов в трех собраниях. Протограф самой *Л* был архетипом практически всех собраний конца XVI в. – собрания архиепископа Ионы (Думина), Синодального, Музейного, а также первой трети XVII в. – Полного (в 151 главу). Его можно определить как Архетип II, в отличие от Архетипа I, к которому восходят сборники смешанного состава 30-х гг. – середины XVI в. Вместе с тем следует подчеркнуть, что текст в рукописи *М* имеет значительное количество вторичных чтений, многие из них бесспорно ошибочные.

Общий источник текста послания в составе трех собраний: Синодального, Музейного, Полного, каковым явилась *Л*, или другая восходящая к ней рукопись, можно определить как Архетип III.

Сопоставление текстов в составе *Л* и трех собраний (*С-М-Тр*) позволило сделать вывод о том, что *М* и *Тр* восходят к общему протографу, созданному не позже конца XVI в. (дата рукописи *М* – самой ранней из сохранившихся в этом собрании). О наличии общего протографа *МТр* свидетельствуют их многочисленные общие чтения, во многих случаях ошибочные, а также пропуски. Список *Тр* не может восходить к *М*, т.к. список *М* – старший из списков Музейного собрания имеет индивидуальные особенности, в том числе и довольно многочисленные пропуски. Расхождения между *СПГ* и *МТр*, при которых списки одной из этих групп соответствуют *Л*, вызваны в ряде случаев тем, что неясные или ошибочные места в тексте *Л* составители Синодального собрания и общего протографа *М* и *Тр* понимали по-разному. Имеется ряд общих *МТр* и *Осн.* первоначальных чтений, расходящихся с *Л-СПГ* и собранием архиепископа Ионы (Думина), что может свидетельствовать, о правке протографа *МТр* по рукописи близкой *Осн.* Наличие совпадений *МТр* с прижизненными сборниками и списками *Р* и *У* собрания Ионы (Думина) позволяет говорить о возможном влиянии протографа *Р* и *У*.

Списки *СПГ* (Синодальное собрание) обнаруживают текстологическую близость, имеют общие пропуски и чтения, отличающиеся от *Л*, и отражающие оригинал собрания. К этому же ряду относятся и те многочисленные общие чтения *СПГ*, которые входят в состав более пространственных рядов рукописей с одинаковыми чтениями.

Протограф списков собрания архиепископа Ионы (*РУБиЕН*) отразился в общих чтениях и чтениях более обширного ряда рукописей (*Л-РУБиЕН-СПГ-МТр*). Все списки собрания имеют индивидуальные разночтения и пропуски, что не позволяет рассматривать ни один из них в качестве оригинала собрания или источника остальных списков. Разночтения обнаруживаются и между различными группами списков внутри собрания. При этом, как правило, чтение одной группы списков соответствует варианту текста в прижизненных сборниках, другой – вторично.

Списки *УЕ* имеют общие особенности, отличающие их от *РБиН* и указывающие на их генетическую близость. В ряде случаев *УЕ* вместе с *Осн.* демонстрируют первоначальные чтения, а списки *РБиН* – ошибочные, что противоречит мнению о зависимости собрания архиепископа Ионы (*УЕ*) от «Рогожского» (*РБиН*). Отношения *У* и *Е* не могут быть определены как отношения прямой зависимости одного из списков от другого. Наличие пропусков и индивидуальных особенностей в *У* исключает зависимость *Е* от *У*. Обратную зависимость также следует исключить. В *Е* имеется ряд вторичных чтений, отличных от первоначальных общих чтений *РУ*, соответствующих *Осн.* списку. Из аблюдений над текстом II-го антикатолического послания Ф.И.Карпову в составе рукописей *У* и *Е* привели Д.М.Буланина сделал вывод о том, что *Е* явился протографом *У*. Изучение I-го послания против астрологии показало, что на списки данного сочинения вывод Д.М.Буланина распространен быть не может. Соответствие *У* правленому варианту *Е* действительно имеет место, в подавляющем большинстве случаев, однако, правленный вариант *Е* совпадает и с *Осн.* Очевидно, что совпадение *У* с правленным вариантом текста *Е* может быть совпадением с *Осн.* через какую-то другую рукопись. Наблюдения показали, что правка в *Е* меняет первоначальный вариант текста *Е* на другой,

совпадающий не только с *У*, но и с *Р*. Если *Е* был подвергнут правке по *Р* (или близкой к ней рукописи), то, принимая гипотезу Д.М.Буланина, мы должны будем признать, что черты сходства с *Р* список *У* заимствовал из *Е*. Списки *Р* и *У*, однако, имеют значительное количество не совпадающих с *Е* общих чтений (в том числе и первичных, повторяющих *Осн.*), а также отсутствующих в *Е* общих пропусков и нарушений порядка слов. Из этого следует, что совпадения *У* с *Р* не могут быть объяснены зависимостью *У* от *Е*, а черты *У*, сближающие её с *Р*, были заимствованы не из *Е*, а из какой-то другой рукописи. Такой рукописью могла быть сама *Р*. Это не говорит о том, что *У* восходит к *Р* как к протографу. Существование между *Р* и *У* расхождений (в том числе пропусков и индивидуальных чтений *Р*) исключает такую зависимость. Это говорит лишь о наличии между *Р, У, Е* связей, которые возникали в ходе правки и сверки и проявились, в частности, в существовании общих чтений *РУЕ*.

Наличие связей с *У* и *Е* отличает *Р* от списка *Н*. В ряде случаев *Р* и *Н* обнаруживают общие чтения, расходящиеся со списком *Бш*. Список *Н*, таким образом, обладает чертами, сближающими его как с *Р*, так и с *Бш*. Данная особенность рукописи *Н*, по-видимому, определяется наличием между *Бш* и *Н* связей того же порядка, что и отмеченные при анализе отношений списков *Р, У, Е*.

Список *Бш* (Соловецко-Большаковский вид) имеет расхождения с остальными списками собрания (*РУЕН*). К ним относятся как ошибки в *Бш* (искажения текста, варианты чтения), так и исправные, восходящие к *Осн.*

Изучение истории текста «Слова на латинов» привело Л.И.Журову к следующему выводу: «Список *Б-16* (т.е. *Больш. 16- В.К.*) «Слова на латинов» лег в основу *Л-123* (т.е. *Slave 123 - В.К.*) и *Сн-491* (т.е. *С ин. 491- В.К.*). Таким образом, у истоков выделенной группы списков из собраний конца XVI в. стоит протограф *Б-16*»⁶⁰. Анализ отношений списков I-го Послания Ф.И.Карпову против астрологии, демонстрируя ряд совпадений *Бш* и *Л*, не даёт достаточных оснований для аналогичного вывода, которому, в частности, противоречит наличие общих чтений списков *Л* и *Р*, отличающих их от *Бш*. Вероятно, немногочисленные совпадения *Л* и *Р*, как *Л* и *Бш* отражают эпизодические «перекрестные» связи того же типа, что и охарактеризованные выше при рассмотрении чтений *РУ, РУЕ*.

Изучение текста Послания в составе собрания Ионы (Думина) показывает, что группировка списков по трем видам находит текстологическое подтверждение. Характер разночтений между видами собрания не позволяет рассматривать ни один из вариантов текста в качестве первичного; ошибочные чтения и искажения текста имеют место в каждом из видов собрания и в каждом из видов присутствуют первоначальные чтения. Сложность и противоречивость картины текстологических отношений обусловлена наличием разночтений, которые нельзя объяснить, исходя из представления о простой иерархической («вертикальной») зависимости списков, когда один или несколько списков восходят к конкретной рукописи–протографу. В ряде случаев списки одного вида, взаимно расходясь, сближаются со списками других видов и собраний. Объясняется это тем, что составители-переписчики каждого из списков использовали не один протограф, а параллельно две или несколько рукописей.

Глава III «Биографические материалы в собраниях сочинений Максима Грека последней четверти XVI в.» Свидетельством возросшего интереса к литературно-публицистическому наследию и судьбе Максима Грека явилось включение материалов биографического содержания в собрания его сочинений, созданные в последней четверти XVI в.

В Синодальном и Музейном собраниях биографические материалы помещены в виде тематических комплексов. По составу оба комплекса близки, но не совпадают. Порядок текстов в них различен. В Синодальном комплексе образуют: гл. 95 - «Того же Послание о смирении к бывшему митрополиту Даниилу» (Ив.249); гл. 96 - «Послание инока Максима Грека к святейшему митрополиту Макарию всеа Русии» (Ив. 243); гл. 97 – грамота Александрийского патриарха Иоакима к Ивану IV Васильевичу; гл. 98 - грамота Константинопольского патриарха Дионисия к Ивану IV Васильевичу; гл. 99 - Разрешительная грамота Константинопольского патриарха Иеремии II Максиму Греку. Материалы «биографического» комплекса в этом собрании характеризуют отношение к Максиму Греку руководства русской и восточных церквей. Выбор материалов (документы исключительно церковного характера, в том числе официальные) и их систематизация в соответствии с этапами биографии писателя, бесспорно, отражают замысел составителей собрания.

В «биографический» комплекс Музейного собрания включено Послание Максима Грека к в. кн. Василию III по поводу окончания перевода Толковой псалтыри. Благодаря этому освещению

⁶⁰ Журова Л.И. Литературное наследие Максима Грека: автор и текст. С. 16-17.

получает очень важный для понимания судьбы писателя начальный период его пребывания в России (до 1525 г.) и приводится первое из известных обращений Максима Грека об отпуске на родину. Значение этого обращения, в частности, в том, что им опровергались «все суждения о том, что Максим Грек прибыл в Россию как агент константинопольского патриарха». Вероятно, включая Послание в «биографический» комплекс, составители собрания хотели подчеркнуть роль, сыгранную в судьбе Максима Грека Василием III, и засвидетельствовать лояльность святогорца московским властям.

Между «биографическим» комплексом и рядом примыкающих к нему текстов прослеживается логическая связь. Анализ их отношений указывает на то, что в качестве фактора, сыгравшего важную роль в судьбе святогорца, составители собрания рассматривали его выступления по вопросу о церковной автокефалии. Можно предположить, что отношение составителей Музейного собрания к Максиму Греку было сочувственным, а созданный ими «биографический» комплекс имел, в частности, «апологетическое», оправдательное назначение.

К числу этих материалов относятся официальные документы – грамоты Александрийского патриарха Иоакима и Константинопольского патриарха Дионисия Ивану IV с просьбой об освобождении Максима Грека. Оба послания прочно входят в русло рукописной традиции именно в конце XVI в., когда включаются в состав большинства создаваемых в это время собраний сочинений писателя. Ранние списки посланий находятся в Румянцевском сборнике (РГБ, ф. 256, Румянц. 264) – уникальном прижизненном собрании сочинений и переводов Максима Грека (1551-1555 г.) и сборнике РНБ, Q.XVII.50 (Толст.П.341), содержащем официальные церковные документы и материалы, связанные с новгородскими архиепископами конца XV- начала XVI вв. В рукописи РНБ, Q.XVII.50 находится только послание патриарха Иоакима.

Х.Олмстед, изучавший проблему происхождения собрания архиепископа Ионы (Думина), выдвинул две версии появления в составе собрания посланий восточных патриархов. Согласно первой – грамоты были заимствованы из Румянцевского сборника. Вторая версия рассматривала в качестве источника грамот список РНБ, Q.XVII.50.

С целью выяснить происхождение текста послания Александрийского патриарха Иоакима Ивану IV в составе собраний сочинений Максима Грека конца XVI – XVII вв. текстологическому исследованию были подвергнуты списки послания, находящиеся в Румянцевском сборнике, рукописи РНБ, Q.XVII. 50, а также собраниях сочинений Максима Грека: Ионы (Думина), Синодальном, Троицком, Полном. Результаты анализа показали, что текст послания в составе собраний сочинений Максима Грека не может восходить к РНБ, Q.XVII. 50 или восходящей к ней рукописи, а связан с румянцевской традицией.

В условиях подготовки введения патриаршества грамоты патриархов должны были привлечь к себе интерес как часть истории отношений Москвы с восточными престолом, как памятники, отразившие её конкретные события. Вполне вероятно, что сама активизация интереса к Максиму Греку в этот период могла отчасти объясняться участием в его судьбе восточных патриархов⁶¹.

Помимо посланий патриархов Иоакима и Дионисия, в состав ряда собраний конца XVI в. включена Разрешительная грамота Константинопольского патриарха Иеремии II Максиму Греку (июль 1588 г.). До настоящего времени этот документ не был объектом научного исследования. В диссертации обосновывается датировка грамоты, появление которой связывается с визитом Иеремии II в Россию в 1588-89 гг. Изучение истории текста Разрешительной грамоты позволило выявить два отличающихся друг от друга варианта её текста. Один из них представлен в собраниях сочинений писателя конца XVI в. (Бурцевском и Никифоровском (более позднем) видах Хлудовского собрания, Slave 123, Синодальном, Музейном), второй – в сборнике Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И.Ленина (Р/9), относящемся к собранию до 1587 г. В других сборниках собрания текст грамоты отсутствует. Анализ списков текста грамоты в Бурцевском и Никифоровском видах позволил сделать вывод о том, что более исправный текст представлен в списках Бурцевского вида, а в старшем списке данного вида (БАН, I.5.97 (Собр. Бурцева, № 25), л. 176 об.-177), по-видимому, отразился общий протограф обоих видов. Этим подтверждается высказанное Х.Олмстедом мнение о вторичности Никифоровского вида по отношению к Бурцевскому. Значительную близость обнаруживают списки грамоты в составе Музейного и Полного собраний, что может свидетельствовать об их генетической близости. Текст грамоты в составе этих собраний ближе к Бурцевскому, чем к Никифоровскому виду.

⁶¹ Сеницына Н.В. Максим Грек в России. С. 48.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования. Ряд наиболее значительных феноменов русской культуры последней четверти XVI в. обнаруживает связь с творчеством Максима Грека. Их изучение в контексте историко-культурного процесса показывает, что обращение к Максиму Греку было связано с актуализацией в этот период ряда проблем, затронутых в его творчестве. Интерес к ним был вызван, прежде всего, учреждением патриаршества (1589 г.), а среди православных кругов Великого княжества Литовского - необходимостью противодействовать подготовке и проведению Брестской унии (1596 г.). Наиболее востребованными стали полемические сочинения. Усиливался интерес к биографии и творчеству святогорца.

Обращение к наследию писателя в значительной степени было определено потребностями богословской полемики. Именно полемические сочинения святогорца выделяются в качестве наиболее значимой части его наследия составителями практически всех собраний сочинений конца XVI в. Решению задач богословской полемики подчинена переводческая деятельность милянвичского кружка, создатель и глава которого А.М.Курбский находился под влиянием взглядов Максима Грека. Связь с творчеством писателя прослеживается и в деятельности других православных культурно-просветительских центров на территории Великого княжества Литовского.

Освоение литературного наследия Максима Грека является характерной чертой в культурном развитии не только России, но и на части территории Литвы. При этом наследие писателя распространяется не только с востока на запад, имеет место и обратное движение. Из Литвы в Россию поступают списки и издания переделок полемических сочинений святогорца. Обращение к наследию Максима Грека в России и Великом княжестве Литовском происходит одновременно, и имеет общую цель – укрепить позиции Православия в ходе богословской полемики, активизировавшейся в 80-90-е гг.

Наиболее заметным проявлением интереса к творчеству Максима Грека явилось создание новых собраний его сочинений. Их основу составляет совокупность текстов, унаследованных от прижизненных систематизированных собраний. Основным направлением в изменении состава и структуры собраний конца XVI в. является их расширение и постепенная утрата структурных аналогий с прижизненными собраниями. Связи текстов, свойственные прижизненным собраниям, вытесняются новыми, преимущественно тематическими. Ценность авторской структуры прижизненных собраний, по-видимому, осознавалась составителями собраний конца XVI в., о чем свидетельствуют примеры совмещения авторской и тематической систематизаций текстов (Музейное собрание).

Расширение состава собраний достигалось путем включения в них оригинальных и переводных сочинений Максима Грека, относительно слабо распространенных в рукописной традиции. В собрания также вводились тексты, не принадлежащие Максиму Греку, или переработки, созданные на основе его оригинальных сочинений. Большинство из этих текстов отличаются полемической направленностью.

Сравнительный анализ состава и структуры собраний последней четверти XVI в. позволил обосновать следующие предположения.

- В основе Синодального и Музейного собраний находится последовательность текстов, по составу и структуре соответствующая или близкая отдельным частям Slave 123. Возможна прямая зависимость Синодального и Музейного собраний от Slave 123 или связанной со Slave 123 рукописью.
- Помимо этого составители Синодального и Музейного собраний использовали другие, второстепенные, источники. Связью с ними может объясняться наличие в Синодальном и Музейном собраниях, во-первых, текстов, отсутствующих в Slave 123, во-вторых, не имеющих аналогий в Slave 123 структурных совпадений с прижизненными систематизированными собраниями. В ряде случаев не исключена возможность только структурных заимствований из этих источников (при наличии в распоряжении составителей собрания двух последовательностей близкого состава, но различной структуры).
- Гл. 70-80 Slave 123 связаны с заключительной частью собрания архиепископа Ионы (Думина), причем не с Основным, а с Соловецко-Рогожским или Соловецко-Большаковским видами.

Результаты анализа состава и структуры Slave 123 и Синодального собрания а также характера систематизации находящихся в них текстов доказывают неправомерность объединения Slave 123 и списков Синодального собрания в рамках одного (Синодального) собрания.

Текстологический анализ Первого послания Максима Грека Ф.И.Карпову против предсказательной астрологии позволил сделать следующие выводы:

- Списки текста всех собраний конца XVI в. имеют общий архетип, восходящий к волоколамской традиции, а не к той которая представлена Основным списком.
- Гипотеза о существовании особого Рогожского собрания как источника собрания архиепископа Ионы (Думина) не получает текстологического подтверждения. Картина текстологических отношений в большей степени соответствует представлению о параллельном создании на основе единого круга источников трех близких по составу последовательностей, определяемых как виды собрания архиепископа Ионы (Думина).
- Мнение о зависимости списка ГИМ, Увар. 310 от РГБ, ф. 98, Егор. 207 как от протографа, высказывавшееся в исследовательской литературе, не находит подтверждения.
- Особенностью списков Основного вида собрания архиепископа Ионы (Думина) является наличие текстовых связей с другими видами данного собрания и другими собраниями. Данная особенность характеризует специфику работы составителей собрания, заключающуюся в параллельном использовании нескольких источников.
- Рукопись Slave 123 или восходящая к ней рукопись является архетипом для списков Синодального, Музейного и Полного (в 151 главу) собраний. Данное утверждение касается не только текста «Первого послания Максима Грека Ф.И.Карпову против предсказательной астрологии», но и «Послания Максима Грека Ф.И.Карпову против католической пропаганды Н.Булева»
- Старшие списки Музейного и Полного (в 151 главу) собраний восходят к общему протографу. На это указывают результаты текстологического анализа не только Первого послания Ф.И.Карпову против предсказательной астрологии, но и текста Разрешительной грамоты Константинопольского патриарха Иеремии II Максиму Греку.

Внутренняя организация собраний определялась целями, стоящими перед составителями. Изучение состава и структуры собраний позволило определить приемы, использовавшиеся составителями в процессе внутренней организации этих собраний. Наиболее распространена тематическая систематизация текстов: составители располагают сочинения в соответствии с их тематической принадлежностью, в результате чего внутри собрания образуются комплексы сочинений, единых по тематике. Наличие таких комплексов позволяет выделить наиболее актуальные, с точки зрения составителей, темы в творчестве писателя. Имеет место и более сложная, двухуровневая тематическая систематизация, при которой в рамках комплекса выделяется ряд подкомплексов (например, в полемическом – антилатинский, против астрологии, против «агарян» и др).

В ряде случаев тексты систематизируются по иным критериями: по назначению, характеру, жанровой природе, хронологии. Использование таких приемов определяется логикой представления материала составителями. Оно, как правило, сочетается с тематической систематизацией и играет вспомогательную роль.

Группировка текстов, в собраниях конца XVI в. позволяет выделить ряд проблем и тем в творчестве писателя, созвучных той эпохе, определяющих его роль в её культурном развитии. Типичным для собраний является акцентирование внимания прежде всего на полемических сочинениях. В качестве обязательной в собраниях представлена «биографическая» тема, а также выступающая иногда в сопряжении с ней проблема переводов и книжных исправлений, филологических взглядов святогорца. Перечисленные темы составляют иерархию важнейших тем, затрагиваемых в собраниях конца XVI в.

В диссертации имеется два **Приложения**. Первое составляет текст Первого послания Максима Грека Ф.И.Карпову против предсказательной астрологии, в котором различения к Основному списку приведены по 17 – ти рукописям XVI – XVII вв., второе – два варианта текста Разрешительной грамоты Константинопольского патриарха Иеремии II Максиму Греку.

Публикации диссертанта

1. Крутецкий В.Ю. Списки сочинений Максима Грека в ярославских сборниках. Депон. в ИНИОН АН СССР (№ 33256 от 4.04.88 г.), 13 с.
2. Крутецкий В.Ю. Максим Грек и учреждение патриаршества (разрешительная грамота патриарха Иеремии II Максиму Греку, июнь 1588 г.) // IV Centenario dell'istituzione del Patriarcato in Russia. (400-летие учреждения патриаршества в России.) Roma, [1991]. С. 126-130.
3. Крутецкий В.Ю. Рукописная традиция сочинений Максима Грека в конце XVI в. // Некоторые проблемы современной науки: Тезисы конференции молодых ученых. 6-7 февраля 1992 г./ Яросл. Гос. ун-т. Ярославль, 1992. С. 6-8.

4. Крутецкий В.Ю. Замечания о второй (непорядковой) нумерации глав в сборнике ГИМ, Син. 491.// Межвузовская региональная научно-техническая конференция молодых ученых, аспирантов и докторантов: Тезисы докладов/ Яросл. гос. тех. ун-т. - Ярославль, 1997. С. 154.
5. Крутецкий В.Ю. Синодальное собрание сочинений Максима Грека. Характеристика состава.// Межвузовская региональная научно-техническая конференция молодых ученых, аспирантов и докторантов: Тезисы докладов/ Яросл. гос. тех. ун-т. - Ярославль, 1997. С.155.
6. Крутецкий В.Ю. Особенности композиции Музейного собрания сочинений Максима Грека// Ярославский педагогический вестник. Научно-методический журнал. Ярославль, 1998, № 1. С. 67-70.
7. Крутецкий В.Ю. О судьбе рукописного наследия Максима Грека в последней четверти XVI в. (собрание до 1587 г.) // Социальные и гносеологические проблемы общества: Сб. науч. тр. Выпуск 2 / Под общ. ред. д-ра техн. наук, проф. Л.П.Размолодина.- Ярославль: Издательский отдел «Еще не поздно!» ООО НТЦ «Рубеж», 2006. С. 343-365.
8. Крутецкий В.Ю. О попытках осмысления судьбы Максима Грека в конце XVI в.// Вестник Костромского государственного университета. Кострома, 2006. №3.
9. Первое послание Максима Грека Ф.И.Карпову против предсказательной астрологии. Подготовка текста. Текстологический комментарий // Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 1. М., 2006